

Глава 9. Разве я не говорил, чтобы ты больше сюда не приходил?

Когда в Зале Хранящихся Душ разом раскололись тридцать пластин с врождёнными духовными отпечатками учеников, его смотритель, Сун Янь, от ужаса едва не свалился с ложа!

Среди ночи он, кое-как натянув обувь и даже толком не пригладив волосы, выскочил искать Сун Юнчжэна. И тут выяснилось, что так поздно у того ещё сидит единственный сын — драгоценный молодой господин Тяньвэньхая, Сун Цзиньяо.

Слуга остановил Сун Яня и тихо объяснил обстановку. В результате тому пришлось простоять у двора время одной палочки благовоний.

Отец и сын говорили, наложив заклятие тишины, так что снаружи не было слышно ни звука. Только когда у Сун Яня уже затекли ноги, молодой господин Сун наконец вылетел наружу с лицом, полным гнева.

Проходя мимо Сун Яня, он на миг выдал на покрасневшем лице неловкость и раздражение, но тут же остановился и почтительно сложил руки в приветствии:

— Дядя Янь.

— Цзиньяо, что с тобой?.. — Сун Янь редко видел, чтобы молодой господин злился так сильно.

В этом году Сун Цзиньяо только исполнилось шестнадцать, но он уже стоял на полшага от мастера Дао. Если ничего не случится, прорваться к двадцати годам в сферу управления духом для него было делом почти решённым. Для сравнения: обычным культиваторам на прорыв к мастеру Дао порой требуется целый век. Талант его был поистине выдающимся.

Жаль только, что месяц назад, во время испытания в землях Уя, Сун Цзиньяо вместе с Хэ Сюаньцином, молодым господином дома Хэ из Кунчана[1], подвергся коварной атаке ядовитого зверя Гу и был смертельно отравлен.

Сун Юнчжэн спас сына, использовав эссенцию крови благого зверя, но вместе с ядом из его тела ушла и духовная сила, а духовный корень был повреждён. Теперь развитие Сун Цзиньяо сильно откатилось, и он уже не был тем прежним баловнем небес.

— Дядя Янь, со мной всё в порядке, — всего за пару вдохов Сун Цзиньяо уже взял себя в руки и вновь стал тем кротким и вежливым юношей, каким обычно казался. — Я, пожалуй, откланяюсь.

С этими словами он развернулся и ушёл.

Сун Янь ещё хотел было спросить, что именно так разозлило юношу, но, вспомнив, зачем пришёл сам, тут же помрачнел.

Тут бы самому выплыть — не до чужих бед.

И действительно, узнав, что все тридцать учеников погибли, Сун Юнчжэн пришёл в ярость.

— Все ученики мертвы? Ни один не вернулся?!

Сун Янь уже мысленно не понимал, за какие грехи на него в последнее время валится одна беда за другой.

Как смотритель Зала Хранящихся Душ, обычно он занимался только посмертными делами тех, кто действительно погиб. Но несколько дней назад полегло двадцать пять внутренних учеников, а теперь ещё тридцать! Не говоря уже о том, что ему снова придётся выдерживать бесконечные расспросы, плач и гнев родственников, — все эти пятьдесят пять человек были элитой Цзэяна. Потеря выходила слишком тяжёлой.

Если бы он не боялся прогневать главу семьи, то уже встал бы перед ним на колени и умолял прекратить вражду с Фу Линцзюнем.

В конце концов, тот демон выходит наружу лишь изредка, чтобы убить пару человек. Если прикинуть, то за последние несколько дней погибло больше учеников, чем раньше погибало за многие десятилетия.

Пока Сун Янь кипел обидой и жалобами, на лице всё равно приходилось держать почтительность. Осторожно подбирая слова, он произнёс:

— Глава семьи... не посылали ли вы учеников в Гуанлин с каким-нибудь поручением? Если бы они хотя бы его выполнили, то и погибнуть, наверное, было бы не так обидно...

Сун Юнчжэн отмахнулся рукавом, развернулся и снова сел в кресло.

— Это не то, о чём тебе следует спрашивать. Позаботься как следует об их похоронах. Можешь идти.

Сун Янь едва не задохнулся от злости, но сказать ничего не посмел.

Даже у него, простого смотрителя Зала Хранящихся Душ, уже рождалось недовольство. Что уж говорить о родных и близких погибших? Если глава семьи и дальше будет так легко распоряжаться жизнями своих людей, то однажды даже он сам не удержит то кипение, которое зреет внизу.

— Да, глава семьи, — поклонился он и смиренно удалился.

Сквозняк пронёсся по залу.

Сун Юнчжэн в этой прохладе на короткий миг отдал дань памяти погибшим ученикам, но очень быстро печаль в его глазах сменилась самодовольством и уверенностью в успехе.

— Пусть в этот раз мой род и потерял тридцать учеников, Благовоние Пылающей Души всё же удалось заложить...

Улыбка уже не помещалась у него на лице, а затем он и вовсе громко расхохотался. Сун Янь как раз дошёл до дверей. Услышав этот самодовольный смех, он невольно нахмурился и только тяжело вздохнул.

Чтобы один поднялся, нужны горы костей. Глава семьи и впрямь собирается шаг за шагом взбираться вверх, ступая по трупам своих же людей.

В прошлый раз Цзян Тан прикинул: всего с дерева упало пятьдесят красных плодов. Если есть по два за раз и тянуть поэкономнее, должно было хватить примерно на месяц — при условии, что плоды не испортятся.

Под деревом, где он жил, не было ни дня, ни ночи, только тусклый луч света, просачивающийся сквозь небосвод. Поэтому за один день он считал промежуток между двумя приёмами пищи и следующим сном.

С тех пор как красавец приходил к нему в прошлый раз, прошло уже несколько таких дней. Красные плоды и правда не портились: под их плотной кожицей мякоть оставалась свежей и сладкой, словно они могли храниться ещё очень долго.

Но перед ним встала другая проблема: он ел уж слишком много.

Дело было не в прожорливости. Просто стоило ему пропустить еду, и всё тело тут же начинало ломить и скручивать. Рана на спине до сих пор не зажила до конца. Ходить уже было не так больно, но стоило двинуться чуть резче или побежать быстрее, как недозажившее место снова отзывалось болью.

Когда он был сыт, ему становилось намного легче. Эти красные плоды, похоже, тоже были вещью полезной — почти как тот фрукт, что он когда-то съел в клетке. Стоило проглотить мякоть, как из желудка по всему телу разливались тонкие тёплые струйки. Только эффект был куда слабее: чтобы добиться того же, что давал тот плод, нынешних, наверное, пришлось бы съесть штук десять.

Качество не то, зато количеством берут. Цзян Тан съедал по четыре плода в день, и за это

время тело его и правда стало чувствовать себя заметно лучше. Беда была лишь одна: плоды исчезали слишком быстро. Сейчас их осталось всего полгорки, а этого никак не могло хватить на целый месяц.

Он задрал голову и посмотрел на дерево. В густой кроне, укрытые листьями, теснились красные плоды — румяные, налитые соком, один к одному.

И-у-у-и... только вот ни один из них ему не принадлежал.

Всё из-за этих коротких лапок! Был бы он в этой жизни по-прежнему человеком — даже если бы не умел лазать по деревьям, он бы каждый день обнимал ствол и тряс его изо всех сил. Ну не могло же совсем ничего не упасть.

Наевшись и погрузившись в беспричинную печаль, Цзян Тан так и пролежал под деревом полдня, пока к нему не начали приближаться тяжёлые шаги, от которых дрожала земля.

Едва услышав знакомое звяканье цепей, он тут же понял, кто идёт: тот самый простодушный здоровяк. На этот раз ему было лень даже подниматься. Он лишь чуть откинул голову назад — и, как и ожидалось, из тьмы медленно показался огромный Сян Син.

Сегодня тот и вправду старался идти осторожнее: обеими мощными руками прижимал к себе цепи, будто боялся, что они будут громче греметь по земле. Правда, при его росте и весе скрытность всё равно была делом безнадёжным — стоило ему сделать шаг, и вся осторожность тут же шла прахом.

— Сяо Бай, — тихо позвал он.

Сян Син ужасно соскучился по Сяо Баю! Ему хотелось смотреть, как Сяо Бай ест, как катается по земле, как высовывает розовый язычок и шевелит мягкими ушками. Хотелось, чтобы Сяо Бай спал у него на ладони, хотелось снова показать ему красивые места...

Долина Тяньбэй не такая уж большая, зато он сам может выходить наружу и убивать людей. В следующий раз, когда хозяин снова отправит его убивать, он обязательно заберёт Сяо Бая с собой! Пока сам будет расправляться с людьми, Сяо Бай посидит у него на голове, а потом можно будет прогулять Сяо Бая по Гуанлину. Снаружи так просторно: цветы, трава, куча маленьких зверушек. Сяо Баю точно понравится!

Стоило ему это представить, как кровь в нём закипела от восторга. Хотелось немедленно подхватить Сяо Бая и рвануть куда-нибудь прикончить пару человек. Жаль только, что сейчас в Гуанлине тихо, и хозяин в последнее время не давал ему никаких поручений.

Но стоило Сян Сину вспомнить хозяина, как ему сразу стало немного совестно. Хозяин ведь прямо запретил приходить к Сяо Баю. Если сейчас его опять поймают... Нет-нет, всё будет

хорошо. Сегодня он пришёл очень осторожно. Если хозяин не заметит, значит, всё сойдёт.

Цзян Тан и не подозревал, что в голове у Сян Сина уже зрело желание в следующий раз взять его с собой на убийство. Если бы узнал, то уж точно не лежал бы так безмятежно. Наверное, сразу бы вцепился всеми четырьмя лапами в эту морду.

— И-у... — тихонько отозвался он на зов. Теперь он уже окончательно понял: «Сяо Бай» у здоровяка — это точно тоже его имя, почти как у красавца своё «глупая собака».

Только эти двое, честное слово, вообще понимают хоть что-нибудь в питомцах? Как можно давать животному разные имена? Один зовёт «Сяо Бай», другой — «глупая собака», и даже звучат они по-разному.

Хорошо ещё, что он человек умный и сообразительный. Иначе какое животное с обычным звериным умом смогло бы понять, что у него, оказывается, сразу два никак не связанных между собой имени?

Никогда не держали питомцев — вот и не знают элементарных вещей!

— Сяо Бай, есть, — уже привычным движением Сян Син выбрал из запаса Цзян Тана один круглый, румяный плод и протянул ему. В глухом голосе слышалась явная радость.

А потом он послушно уселся рядом и двумя огромными глазами уставился на Сяо Бая.

Эту фразу Цзян Тан уже слышал раньше.

Учитывая, что в роли фуд-блогера он выступал уже не впервые, схему эфира он давно освоил: раз уж драться не получится, остаётся только честно что-нибудь съесть у него на глазах.

Но в прошлый раз он поел слишком старательно — и в итоге этот тип, не насмотревшись, тут же сунул ему второй плод. Красные плоды, конечно, вкусные, но сейчас он только что наелся и собирался полежать. Пока он вовсе не был голоден. Повторять тот подвиг и объедаться, как в прошлый раз, было категорически нельзя — кто знает, не взбредёт ли Сян Сину снова идея потащить его смотреть на долину костей и призрачных огней.

Мысленно подготовившись, первый в долине Тяньбэй фуд-стример Цзян Тан начал свой второй эфир.

Сначала он аккуратно проколол плод острым коготком. Затем, совсем как с супным пельменем, в тот миг, когда наружу потёк сок, быстро слизнул его и только потом стал небольшими кусочками есть мякоть.

Пока он ел, он не забывал следить за выражением лица Сян Сина и подстраивать темп под зрительскую реакцию.

Например, когда у здоровяка хмурились брови и он явно начинал переживать, Цзян Тан делал большой кусь — лишь бы того немного удовлетворить. А когда Сян Син целиком погружался в блаженство, он тут же замедлялся и снова начинал мелко-мелко лизать.

В этот момент Цзян Тан вдруг понял, зачем современным стрима́м нужен чат в реальном времени. Это же чертовски удобно.

Один ест, другой смотрит — полная гармония.

И действительно, усвоив уроки прошлого эфира и грамотно подстроив темп, Цзян Тан на этот раз успел ублажить Сян Сина всего одним плодом. Сам он при этом чувствовал себя так: вроде уже сыт, но, если очень надо, ещё чуть-чуть влезет. Поэтому он только поменял позу и растёкся по земле белой мягкой лепёшкой.

Сян Син остался крайне доволен, увидев, что Сяо Бай поел. Ему снова захотелось, как и в прошлый раз, взять Сяо Бая гулять. Но стоило ему подняться с земли, как за спиной прозвучал знакомый мягкий голос:

— Разве я не говорил, чтобы ты больше сюда не приходил?

Наевшийся Цзян Тан резко поднял голову.

Сквозь густую листву пробился тонкий луч света и мягко коснулся бледного лица Фу Линцзюня.

б букв. Кун (口) — «пустой, пустота», чан (口) — «цикада».

<http://bllate.org/book/17032/1599349>